

ПОСТАНОВКА ПРЕДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ЗНАНИЙ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАСТУЩЕЙ СТРОГОСТИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.

Рассматривается формирование в различных отраслях знаний нового типа проблем (предельных), к числу которых нередко относят фундаментальные научные проблемы (С. Г. Кара-Мурза), трудные вопросы (А. Азимов), психологические проблемы (К. Г. Юнг), сложные проблемы (М. И. Демчук, А. Т. Юркевич), экзистенциальные проблемы и вечные вопросы (В. Данченко), морально-нравственные проблемы (Х. Лэйси, Б. Г. Юдин), мета-вопросы эпохи (Л. Млодинов) и др. Анализируются возможности междисциплинарных исследований (синергетики, системологии и науковедения) по решению указанных типов предельных проблем. Обосновывается вывод о наличии прочной корреляции между растущей актуальностью постановки предельных проблем в различных отраслях знаний и растущей строгостью жизненного мира личности и общества.

Ключевые слова: предельные проблемы; пределы и границы научных знаний; общество риска; кризисное общество; хоррорология; рискология; риск-менеджмент; кризисный менеджмент; социология риска; социология жизни; эвентология; экзистенциальная наука; «экономика быстрого реагирования»; лимитология; кризисное обществоведение.

CREATION OF MARGINAL PROBLEMS IN VARIOUS KNOWLEDGE BRANCHES AS AN INDICATOR OF GROWING AUSTERITY OF LIFEWORLD OF PERSONALITY AND SOCIETY

V. K. SHCHERBIN^a

^aThe Center of System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus,
Akademicheskaya street, 1, 220072, Minsk, Republic of Belarus.

The creation of a new type of problems (marginal problems) in different branches of scientific knowledge etc., including fundamental scientific problems (S. G. Kara-Murza), difficult problems (A. Asimov), psychological problems (C. G. Jung), complicated problems (M. I. Demchuk, A. T. Yurkevich), existential problems and eternal problems (V. Danchenko), moral problems (H. Lacey, B. G. Yudin), meta-problems of epoch (L. Mlodinov) is considered in the article. The possibilities of interdisciplinary research (synergetics, systemology and science of science) for solving the above mentioned marginal problems are analyzed. The conclusion is substantiated about the presence of strong correlation between the growing actuality of marginal problems and the growing austerity of lifeworld of personality and society.

Key words: marginal problems; limits and borders of scientific knowledge; society of risk; crisis's society; horrorology; riskology; risk-management; crisis's management; sociology of risk; sociology of life; eventology; existential science; «economy of quick response»; limitology; crisis humanities.

Образец цитирования:

Щербин В. К. Постановка предельных проблем в различных отраслях знаний как показатель растущей строгости жизненного мира личности и общества // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 19–35.

For citation:

Shcherbin V. K. Creation of marginal problems in various knowledge branches as an indicator of growing austerity of lifeworld of personality and society. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 19–35 (in Russ.).

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором инновационного развития отраслей.

Author:

Vyacheslav Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of branch innovative development.
slavalex@mail.ru

События, имевшие место в течение первых двух десятилетий третьего тысячелетия (мировой экономический кризис 2007–2008 гг., военные конфликты в Ираке, Сирии, Украине, бесконечный поток мигрантов в страны ЕС) целиком и полностью подтвердили прогноз выдающегося американского социолога И. Валлерстайна о том, что «социум первой половины XXI века по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости намного превзойдет все, виденное нами в веке XX» [1, с. 5]. Буквально на наших глазах сформировались десятки новых типов обществ, описанных к настоящему времени в работах известных исследователей из разных стран мира: *биообщество*, *нанообщество* (А. К. Казанцев, В. Н. Киселев, Д. А. Рубвальтер, О. В. Руденский); *западнистское сверхобщество* (А. А. Зиновьев); *интегративное маятниковое общество*, *конвергированное общество*, *смешанное общество* (Д. М. Гилязитдинов, П. Сорокин); *информационное общество* (Г. Бехманн, Д. В. Иванов, М. Кастельс); *кризисное общество* (Н. П. Гончарова, С. Г. Кара-Мурза, И. Н. Протасенко); *общество знаний* (Г. Б. Клейнер, В. Л. Макаров, Ф. Махлуп, Н. Штер); *общество потребления* (Ж. Бодрийяр); *общество риска* (У. Бек, Г. Бехманн, Т. А. Колесникова, П. Штомпка, О. Н. Яницкий); *общество саморазрушения* (О. Ю. Бойцова, Л. Х. Гитис, И. Ефремов, Ж. П. Черкасова); *общество самосохранения* (Э. Глейзер); *общество, шокированное будущим* (А. Тоффлер); *открытое общество* (К. Поппер, Дж. Сорос); *переходное общество* (А. Н. Данилов, У. У. Росту); *постиндустриальное общество* (Д. Белл, В. Иноземцев, Г. Кан, А. Тоффлер, А. Турен, Ж. Фурастьё); *рыночное общество* (В. П. Макаренко, А. Хиршман); *самоорганизующееся общество* (Г. Хакен); *«солидарное» общество* (Э. Дюркгейм); *технотронное общество* (З. Бжезинский); *цивилизованное общество* (М. Хоркхаймер) и др.

При этом общей и наиболее характерной чертой указанных новых типов обществ является исключительно высокая роль в их жизни многочисленных экономических, политических, экологических, социальных, инновационных, научно-технических, образовательных и прочих рисков, угроз, ошибок, опасностей, вызовов, ущербов, кризисов, дисбалансов, провалов, потерь, препятствий, неопределенностей, неудач, социальных нестроений, структурных диспропорций, дисфункций и иных малоприятных явлений, порождение которых обусловлено различными причинами. В их числе следующие:

а) болезни социальных систем: «Мы считаем возможным утверждать, что ошибки, провалы и неудачи являются следствием болезней систем и в таком качестве представляют собой ее паразитирующие (патологические) подсистемы» [2, с. 87];

б) принятие нерациональных, рискованных решений по жизненно важным для общества воп-

росам. «Таковыми ограничениями рациональности, порождающими принятие неоправданно рискованных решений, могут являться “упрощение” событий и завышенная уверенность, зависимость от контекста, в котором “подается” рассматриваемая проблема, чрезмерное внимание к опыту недавнего прошлого и ближайшей перспективе в ущерб длительному опыту и долгосрочной перспективе, “стадное поведение”, информационные каскады и многие другие обстоятельства» [3, с. 72].

Сам факт появления в жизни современных обществ указанных негативных явлений обуславливает широкий спектр весьма специфических вопросов, которые в работах отечественных и зарубежных исследователей называются по-разному: *фундаментальными научными проблемами* (С. Г. Кара-Мурза), *трудными вопросами* (А. Азимов), *психологическими проблемами* (К. Г. Юнг), *сложными проблемами* (М. И. Демчук, А. Колесников, С. Сиренко, А. Т. Юркевич), *экзистенциальными проблемами* и *вечными вопросами* (В. Данченко), *нравственными и этическими проблемами* (Х. Лэйси, Б. Г. Юдин), *метавопросами эпохи* (Л. Млодинов), *«проклятыми вопросами»* (В. В. Михайлов, А. Г. Мясников), *«висящими» вопросами* (А. П. Дегтярев), *принципал-агентскими проблемами* (Р. С. Гринберг) и т. д. К указанной группе специфических вопросов, связанных с преодолением возникающих в жизненном мире личности и общества многочисленных рисков, угроз, опасностей, вызовов, пределов, ущербов, дисбалансов, потерь и неопределенностей, относятся, на наш взгляд, и так называемые *предельные проблемы* различных отраслей знаний.

Уже из самого наименования видно, что данные проблемы связаны с выходом за пределы соответствующих отраслей знаний или человеческого познания вообще, способствуя тем самым дальнейшему продвижению вперед переднего края науки, или «фронтира», как называл его американский науковед и общественный деятель В. Буш [4]. Российский философ А. А. Печенкин считает, что такие связанные с преодолением пределов познания проблемы следует относить к числу философских: «Поскольку обоснование какого-либо фрагмента знания, изучение его структуры и функций предполагает выход за пределы этого фрагмента, оно становится философской проблемой» [5, с. 8].

Хотя еще советская практика решения предельных проблем, связанных, к примеру, с изучением эволюции сознания, показала, что возможности философских систем (в данном случае – системы диалектического материализма) в отношении решения такого рода проблем являются далеко не безграничными: «...философский материализм пребывает в состоянии своеобразной “экзистенциальной летаргии”: отрицая теоретическую обоснованность традиционных религиозно-идеалистических духовных поисков, критикуя существующие

попытки решения экзистенциальных проблем, сам он их не только не решает, но даже не ставит. Более того, многочисленные области человеческого опыта, недоступные объективному наблюдению, в частности связанные с так называемыми высшими состояниями сознания, оказываются «вне закона» и выпадают из сферы исследований, вследствие чего адекватное их описание и объяснение в рамках научной картины отношений человека с миром к настоящему времени отсутствует. Сложившаяся ситуация объясняется нетворческим, комментаторским характером нашей академической философии и усугубляется тем фактом, что экзистенциальные проблемы классиками марксизма-ленинизма специально не разрабатывались, зато традиционно эксплуатировались религией и различными формами идеалистической философии» [6].

Сегодня к этому можно добавить следующее: экзистенциальные проблемы рассматривались в 1980-е гг. не только в рамках различных религиозных учений (например, в Локайята Йоге) и направлений идеалистической философии (например, в рамках экзистенциализма, фрейдизма и др.), но и были предметом изучения системологии (общей теории систем) и феноменологической социологии. В частности, борьба представителей советской системологии за расширение рамок марксистско-ленинской философии путем включения в эти рамки системно-структурного анализа предельных проблем хорошо описана в работе И. В. Блауберга¹. В свою очередь, представители феноменологической социологии считали, что «социологическая теория не может строиться дедуктивным способом, так как социологические описания не смогут считаться независимыми от контекста (ситуационных факторов взаимодействия). Социологическая теория должна быть «эмпирической», т. е. строиться не «сверху» (гипотетико-дедуктивными способами), а «снизу» (основывается на жизненном мире взаимодействующих людей)» [7, с. 340].

К примеру, немецкий социолог Х. Абельс считает, что «важным предметом феноменологии является тот мир, с которым человек вступает в отношения в своем сознании. Опыт человека в мире есть часть его опыта жизни в мире *совместно с другими* людьми. Мир, который кажется нам несомненным, основан на доверии к нему. Этот само собой разумеющийся мир смыслового опыта Гуссерль называет *жизненным миром*. Он «является пространственно-временным миром вещей, каким мы его воспринимаем до и вне всякой науки» (См.: Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie / Husserliana. Gesammelte Werke, bd. VI. Den Haag, 1976. S. 141). Этот

мир просто существует, он сам себя утверждает и не требует никаких дополнительных обоснований. По отношению к нему мы обладаем естественной установкой, которая удивительно непроблематична. По словам Шюца, именно эта мысль больше всего заинтересовала его в феноменологии Гуссерля. Естественная установка является неререфлексируемой и постоянно подтверждает себя через рутину повседневного повторения одного и того же. Жизненный мир есть несомненная реальность. <...> Нам необходимо выяснить, как человек находит свой путь к такой реальности. В этой связи следует воспользоваться несколько иным определением понятия жизненного мира: «Под повседневным жизненным миром понимается та область реальности, которая свойственна в качестве простой данности нормальному бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простой данностью мы называем все, что переживаем как несомненное, то есть любое положение дел, которое до поры до времени является для нас непроблематичным» (См.: Schutz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Bd. 1. Neuwied, 1975. S. 23). В этом определении жизненный мир предстает как «не подлежащая сомнению основа естественного мировоззрения». Каким образом человек приходит к своему естественному мировоззрению? В этом заключается основная вопрос феноменологии» [8, с. 73–74].

По мнению Л. Г. Титаренко, понятие *жизненный мир* является «основным понятием в феноменологических социологических концепциях, с помощью которого дается представление о подлинном предмете социологического познания, «забытом», потерянном в позитивистской социологии. <...> Это мир повседневности, каким он предстает обычным людям. Это и есть «высшая реальность» и основной объект социологического исследования. Главная характеристика жизненного мира состоит в признании его непроблематичности, целостности, изначальной неструктурированности, анонимности. Жизненный мир воспринимается людьми как нечто само собой разумеющееся на основе определенной «естественной установки». Задача социологии состоит в том, чтобы показать, каким образом жизненный мир познается, тематизируется, интерпретируется простыми людьми и вовлекается в деятельность их мира сознания» [9, с. 96].

Наконец, универсальный, базисный характер понятия *жизненный мир*, понимаемого как жизнь человека и общества, удачно раскрывается в рецензии С. А. Шавеля на книгу Ж. Т. Тощенко «Социология жизни»: «Жизнь человека и общества отображают все виды искусств, художественной литературы, фольклора, ее изучением занимаются многие науки: от антропологии, этнографии, пси-

¹Блауберг И. В. Из истории системных исследований в СССР: попытка ситуационного анализа // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век : в 2 кн. / под ред. В. А. Лекторского. М., 1998. Кн. II. : 60–80-е гг. С. 152–170.

хологии, генетики до истории и социальной философии. В этом ряду есть (должно быть) свое место и у социологии. Действительно, если социолог проводит исследование на предприятии, он изучает жизнь трудового коллектива, в университете – жизнь студентов и профессорско-преподавательского состава, в аграрном секторе – жизнь крестьян, в театре – жизнь актеров и т. п. “Всюду жизнь”, – гласил известный девиз художников-передвижников, отказавшихся писать картины на религиозные и мифологические сюжеты» [10, с. 123].

Сам факт наличия множества отличающихся интерпретаций таких понятий, как *«жизненный мир / жизнь человека и общества»*, *«предельные (философские, экзистенциальные, психологические, нравственные, этические и др.) проблемы»*, обуславливает необходимость их предварительного однозначного определения в рамках настоящей статьи.

1. Определение ключевых понятий данного исследования

На наш взгляд, свое наиболее полное и исчерпывающее определение понятие «жизненный мир» получает в рамках такого социологического направления, как социология жизни. В частности, А. Н. Данилов описывает предмет изучения интересующего нас направления следующим образом: «Сферой изучения социологии жизни выступает социальная жизнь людей или человеческая жизнь в ее социальном измерении. В более широком плане такой сферой выступает весь *жизненный мир*, т. е. совместно переживаемое и разделяемое людьми пространство жизни, охватывающее все возможные и действительные горизонты их индивидуального и коллективного опыта, который подразделяется на экзистенциальный мир (сферу индивидуального существования людей) и собственно социальный мир (сферу их совместного и взаимозависимого существования)» [11, с. 308]. В полном соответствии с делением объема понятия *жизненный мир* на две составляющих (экзистенциальный мир и собственно социальный мир) рассматриваемые нами предельные проблемы тоже можно разделить на две большие группы: а) предельные проблемы экзистенциального характера, отражающие индивидуальный опыт человека; б) предельные проблемы социального характера, отражающие коллективный опыт социальных групп, накопленный в рамках различных отраслей знаний.

Что касается первой группы предельных проблем, то их суть достаточно точно определил В. Даниченко: «*Экзистенциальные проблемы* – это лежащие на стыке философии и психологии “предельные” проблемы лично переживаемого существования человека, формулируемые обычно в таких вечных вопросах, как: *Кто я? Откуда я пришел и куда иду? Что мне делать и зачем? В чем смысл моей жизни?*

Иными словами, это проблемы, возникающие в результате осознания или предчувствия человеком факта конечности, предела своего существования и поиска цели последнего, “чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы”» [6]. Наибольший опыт решения таких экзистенциальных проблем накоплен в рамках культурологии, которую по этой причине нередко называют экзистенциальной наукой: «Ничто в мире человека не является более существенным, чем его ценности; ради них он способен на отрицание наиболее полезного для себя дара – жизни, ибо ценность может располагаться и зачастую располагается по ту сторону жизни и смерти. Исследование ценностей есть подлинно экзистенциальная проблема, если понимать экзистенцию как специфический способ бытия человека, культуры и общества. Культурология, понятая как аксиология, есть экзистенциальная наука, открывающая интегральное существо исторического процесса, его порождающие модели, его реальность и интервалы между идеалами и реальностью. Перспективы такой редукции нельзя переоценить. Важнейшей из них является возможность для культурологии стать первой социально-гуманитарной наукой новой исторической эпохи – постпостмодернизма» [12, с. 9].

На социально-гуманитарный характер культурологии указывает и Ю. М. Резник: «...культурология стремится быть общей гуманитарной дисциплиной наряду с дисциплинами филологического комплекса, историей религии, литературоведением, этикой, искусствоведением и пр. В то же время она вторгается в границы предметных областей социальных наук» [13, с. 65]. Наконец, все более активно используют методологический потенциал культурологии в своих исследованиях и экономисты: «Кросс-культурные эксперименты, многоуровневые методы и триангуляция с использованием эмпирических и этических методов усовершенствуют наше понимание экономической роли культуры. Мы уверены, что культура продолжит оставаться многообещающей областью развития для экономической науки» [14, с. 385].

Завершая обсуждение предназначения культурологии как особой экзистенциальной науки, в рамках которой наиболее широко рассматриваются предельные проблемы первой группы, стоит также привести определение данной дисциплины из статьи Н. А. Хренова: «Многое, что возникало в границах активизировавшихся или возникших в эпоху оттепели дисциплин, затем оказалось включено в проблематику культурологии. Может быть, еще и поэтому эта наука сегодня оказывается без берегов. И это, пожалуй, второй признак состояния данной науки в России. Он свидетельствует о том, что для культурологии на сегодняшней фазе ее развития характерно ярко выраженное

интегративное начало. Она многое ассимилирует, претендуя на самый высокий уровень обобщений» [15, с. 5].

В свою очередь, состав второй группы предельных проблем является значительно более разнообразным. В частности, к этой группе относятся следующие типы предельных проблем¹:

1) *фундаментальные вопросы*. «Провал нашего обществоведения (в годы перестройки. – В. Ш.) выразился прежде всего в уходе от осмысления *фундаментальных вопросов*. Их как будто и не существовало, в момент быстрого развития кризиса не было никакой возможности поставить их на обсуждение. Из рассуждений была исключена категория выбора. Говорили не о том, “куда и зачем двигаться”, а “каким транспортом” и “с какой скоростью”. Иррациональным был уже сам тоталитарный лозунг перестройки “*иного не дано!*”, исключающий из анализа саму категорию *альтернатив*. А ведь так назывался сборник программных статей верхушки сообщества гуманитариев и социологов» [16, с. 7];

2) *трудные вопросы*. «...Наука помогает найти ответы на *трудные вопросы*» [17, с. 251]. В то же время, по справедливому замечанию К. Поппера, порой и в рамках науки «трудности недооцениваются. Теория представляется так, словно все это доказано с научной достоверностью, но научной достоверности просто не существует» [18, с. 63];

3) *психологические проблемы*. «Разумная аргументация возможна и перспективна лишь до тех пор, пока эмоциональная напряженность ситуации не перешла определенного критического уровня. Стоит, однако, этой эмоциональной напряженности перешагнуть критический уровень, как возможности разумного влияния исчезают; на их место приходит лозунг и химерические образы, иначе виды коллективной одержимости, которые, развиваясь, ведут к психической эпидемии. В такой обстановке на первый план выдвигаются те асоциальные элементы населения, которые при господстве здравого смысла были едва терпимы. Личности этого рода – отнюдь не редкие исключения, которые можно встретить лишь в тюрьмах и домах умалишенных. На каждый случай явного сумасшествия приходится, по моей оценке, по меньшей мере десять латентных случаев, в которых заболевание, хоть и не часто, принимает открытые формы, но при кажущейся внешней нормальности выражается в бессознательно болезненных и извращенных взглядах и поведении» [19, с. 4];

4) *сложные проблемы*. «Системный анализ – совокупность методологических средств, используемых для подготовки и обоснования решений по *сложным проблемам* политического, военного, социального, экономического, научного и технического ха-

рактера. Опирается на системный подход, а также на ряд математических дисциплин и современных методов управления. Основная процедура – построение обобщенной модели, отображающей взаимосвязи реальной ситуации» [20, с. 331]. Иными словами, сложные проблемы можно решить только с помощью сложных, системных подходов. Во всяком случае, «развитие феномена лысенковщины оказалось возможным именно на фоне поощрения со стороны государства скорых и простых решений *сложных научных проблем*» [21, с. 338];

5) *нравственные и этические проблемы*. «Наш анализ позволяет определить границы, в которых допустима критика ценностных установок сегодняшней научной практики. Основной массив современных научных исследований разворачивается в русле материалистических стратегий, которые взаимодействуют с современными ценностями контроля, что ведет к обоюдному их укреплению и усилению. Как должна быть реконституирована практика научного исследования, чтобы стратегии взаимодействовали похожим взаимоусиливающимся образом с максимально широким комплексом социальных ценностей возможных форм человеческого благополучия и процветания? Анализ стратегий правомерности “обыденного” подхода, а также феминистских стратегий указывает исходные ориентиры. С учетом необходимости выделения периодов принятия стратегий и принятия теорий он ведет к постановке новых методологических вопросов, а также позволяет вскрыть целый ряд насущных *нравственных вопросов* современности» [22, с. 336]. В свою очередь Б. Г. Юдин констатирует следующее: «...чем больше наука претендует на то, что она служит интересам и благу человека, тем более значительную роль в ней должны играть эксперименты с участием человека. Но участие в таких экспериментах всегда сопряжено с большим или меньшим риском для испытуемых. <...> Важно подчеркнуть, что общепринятой нормой стало *этическое* сопровождение всех такого рода исследований. <...> Таким образом, главная задача *этического* регулирования научных исследований – по возможности оградить человека от сопряженного с ними риска. Именно с этой целью и создаются соответствующие структуры и механизмы» [23, с. 371, 373, 377];

6) *метавопросы эпохи*. «Существование атомов напрямую доказать было нельзя, однако гипотеза об их существовании приводила-таки к проверяемому на практике законам, и законы эти, как подтвердилось, верны – к примеру, представление об атоме можно применять при выводе математической зависимости между температурой и давлением в газах. Что же об этом атоме думать вообще?

¹При перечислении предельных проблем даны примеры их описания, эксцерпированные из научной литературы. – В. Ш.

Вот каков был *метавопрос эпохи*. Ответ оставался неясным, а потому большую часть XIX века атом существовал себе призрачным духом за плечами физиков, неуловимостью, шептавшей им в уши тайны природы. Вопрос об атоме получил в конце концов ответ настолько мощный, что ныне вопроса-то никакого и нет» [24, с. 351];

7) *«проклятые» вопросы*. «Как видно из статьи (В. В. Михайлова. – В. Ш.), нашего автора мучает *«проклятый» вопрос* о том, как создать в России независимую, самостоятельную науку и такую систему образования, которые были бы конкурентоспособными и отвечали бы потребностям современного российского общества. Чтобы мы гордились своей электроникой, медициной, нанотехнологиями и, наконец, своими философами» [25, с. 123];

8) *«висящие» вопросы*. «...структура конечной науки (любой ее вариант из множества возможных) должна быть такой, чтобы любые возможные (осмысленные) вопросы о мире были внутрипонятийно-структурными вопросами. Иначе говоря, все имеющиеся ныне *«висящие» вопросы*, то есть находящиеся на краю понятийной структуры и воспринимаемые как вопросы “о мире”, на самом деле связаны с неполнотой, недостроенностью этой структуры. Структура конечной науки является “сферичкой”, как поверхность глобуса, которая имеет конечную площадь, но при этом не имеет краев» [26, с. 13];

9) *принципал-агентские проблемы*. «Принципал-агентские проблемы в условиях информационной асимметрии породили феномен чрезмерно рискованных решений. Подобные противоречия возникали во взаимодействии акционеров и менеджмента инвестиционных банков; участников финансовых рынков и рейтинговых агентств; покупателей и эмитентов инвестиционных продуктов; финансовых структур и регуляторов» [3, с. 71].

Перечисленными типами вторая группа предельных проблем, на наш взгляд, не исчерпывается, поскольку при желании в любой отрасли знаний можно найти свои специфические предельные проблемы. Вот что, к примеру, пишет об указанных проблемах своей науки итальянский историк Б. Кроче: «...история есть одновременно история социальная, и политическая, и литературная, и религиозная, и этическая, здесь и берет начало вера в то, что одна из этих историй главная, а именно та, которую лучше знает и больше ценит автор; не случайно “историю философии” часто называют “философией истории” или “социальную историю” – “подлинной историей, философией истории” и так далее. На самом деле продуманная до конца история философии есть всеобщая история (и точно так же история литературы и всякого иного проявления духа) не потому, что не нуждается в остальных, а потому, что обязана им всем; поэтому-то и нужно историкам развивать в себе универсализм и быть универсаль-

но образованными, поэтому-то и плохи историки-специалисты – чистые философы, чистые филологи, чистые политики или чистые экономисты, которые в силу своей односторонности не понимают даже своей специальности, а лишь “владеют” ею как чем-то абстрактным и мертвым» [27, с. 73]. Б. Кроче считает ошибочным «бесконечный спор по поводу “проблемы” и “пределов” той или иной истории или группы специальных историй: проблемы такой не существует, пределы логически определить невозможно ввиду их условности, с чем в конце концов все после бурных волнений и соглашаются; волнений могло бы быть меньше, если бы за исходный пункт взяли не периферию, а центр, то есть гносеологический анализ» [27, с. 76].

Еще более условный характер носит решение предельных проблем современной атомной физики. Вот что пишет о таких проблемах известный физик-теоретик и популяризатор физических знаний Л. Млодинов: «...мы знаем, что, если науке потребен прогресс, ей придется переместить фокус внимания за пределы прямого чувственного опыта. В начале XXI века наше принятие незримого мира зашло настолько далеко, что от открытия знаменитой “частицы Хиггса” никто и не поморщился, хотя никто не только в глаза никакой частицы Хиггса не видывал, но и не наблюдал осязаемых результатов взаимодействия частиц Хиггса с каким-нибудь прибором, который мог бы сделать их зримыми косвенно, как флуоресцентный экран делает “зримыми” электроны, когда светится от их ударов.

Подтверждение существования частиц Хиггса – сугубо математическое, оно выводится из определенных численных экспериментальных данных. Эти данные, характеризующие радиоактивное излучение, были сняты с обломков более трехсот триллионов столкновений протонов друг с другом, а затем проанализированы статистически намного позднее самих событий с применением двух сотен вычислительных центров в трех десятках стран. Именно это имеет в виду физик, когда говорит: “Мы видели частицу Хиггса”.

Подобное “наблюдение” Хиггсовых и других субатомных частиц сделало прежде незримый атом больше похожим на целую непустую вселенную, и в каждой капле воды – миллиарды миллиардов таких вселенных, крошечных миров не просто для нас незримых, а отделенных на несколько порядков от непосредственного наблюдения. Бросьте пытаться объяснить теорию бозона Хиггса физику XIX века – замучаетесь растолковывать, что вы имеете в виду, говоря, что “видели” бозон» [24, с. 351–353].

Еще сложнее обстоит дело с решением предельных проблем в рамках социальной науки. С одной стороны, понятие «социальный предел» привязывается к социальным возможностям общества: «Предел социальный – понятие, введенное неоконсерваторами, в котором находит выражение тезис,

согласно которому существует достаточно жестко фиксируемая граница социальных возможностей любого общества, учет которой ведет к стабилизации общества, а нарушение – к его дисгармонии. Сторонники этой концепции утверждают, что либералы 60-х гг., побуждавшие человечество к чрезмерной социальной благотворительности, перешли предел социальный и тем самым нарушили “органический закон” общества. Ссылкой на этот “факт” неоконсерваторы, как правило, объясняют волнения, беспорядки, “хаос 60-х годов”. <...> Свободная рыночная экономика – именно это, согласно воззрению неоконсерваторов, единственный путь учета предела социального и снятия перегрузок в обществе, а не демократия, призывающая к “равенству результатов” вместо того, чтобы ограничиться призывами к “равенству возможностей”» [28, с. 402].

С другой стороны, наука, призванная определять эти социальные возможности общества (социология), признается мультипарадигмальной наукой, что не способствует однозначному определению таких возможностей. Как свидетельствует австрийский социолог А. Балог, «социологи считают социологию *мультипарадигмальной наукой*. Значит, “социальную реальность” можно рассматривать с разных точек зрения, что не позволяет говорить о единой “социологической теории” как всеобъемлющей и признанной группе доказательств, обсуждение основных дисциплинарных проблем которой более или менее закончилось в духе общего консенсуса. Такой подход отражен, естественно, и в учебниках, приводящих отдельные подходы или парадигмы как более или менее изолированные теории, не связанные друг с другом» [29, с. 22]. Ситуация с решением предельных проблем социальной науки еще более усугубляется тем обстоятельством, что «социальная наука пытается описать сложные, проникающие друг в друга и перемешанные вещи <...> чаще всего она только вносит путаницу. Дело в том, что простые и ясные описания не работают, если описываемое ими неупорядоченно. Сама попытка добиться ясности попросту увеличивает беспорядок» [30, с. 12].

Даже «языкознание, по-видимому, одна из самых консервативных наук» [31, с. 12], сегодня не чурается постановки предельных проблем, касающихся отдельных из его направлений. К примеру, современные российские языковеды не только активно обсуждают вопросы о том, «что такое компаративистика и как она помогает восстанавливать историю языков, выходящую далеко за пределы письменной эпохи» [32, с. 12], но и пытаются «затронуть поистине взрывоопасный вопрос о том, каковы пределы этой дисциплины – насколько глубоко в языковое прошлое может проникнуть компаративист? Можно ли с помощью сравнительно-исторического метода “припасть к истокам” Языка как такового? Где заканчивается научный метод

и начинается чистая интуиция, грозящая перейти сначала в околонульную фантазию, а затем в антинаучное безумие? Существует ли на этот счет консенсус в лингвистическом сообществе, и если нет, то почему?» [32, с. 12].

Перечень различных отраслей знаний, в рамках которых сегодня ставятся и решаются предельные проблемы узкодисциплинарного познания, является достаточно длинным. Однако нас в первую очередь интересует постановка предельных проблем в тех отраслях знаний, которые вносят наибольший вклад в изучение рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества. Данный интерес во многом оправдывается тем, что активная разработка научной общественностью предельной проблематики указанных отраслей знаний способствовала быстрому формированию целого ряда новых научных дисциплин и направлений, связанных с изучением существующих рисков, угроз, ошибок, опасностей, вызовов, ущербов, кризисов, дисбалансов, провалов, потерь и прочих социальных явлений.

2. Новые научные дисциплины и направления, связанные с изучением рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества

Анализ указанных новых научных дисциплин и направлений нам хотелось бы начать с такой весьма широкой по своему содержанию дисциплины, как *хоррорология*. В монографии М. Эпштейна «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» содержание данной дисциплины описывается следующим образом: «Если опасность загрязнения природы, исходящая от цивилизации, окрашивала вторую половину XX века, то XXI век может пройти под знаком *хоррора* – угроз цивилизации самой себе. На смену экологии как первоочередная забота приходит *хоррорология* (horrorology) – наука об ужасах цивилизации как системе ловушек и о человечестве как заложнике сотворенной им цивилизации. Термин “*хоррорология*”, конечно, ужасен, но не более, чем обозначаемый предмет, а значит, по-своему точен. <...> *Хоррорология* – наука о саморазрушительных механизмах цивилизации, которые делают ее уязвимой для всех видов терроризма, включая биологический и компьютерный. *Хоррорология* – теневая наука о цивилизации, это минус-история, минус-культурология, минус-политология. Все, что другие науки изучают как позитивные свойства и структурные признаки цивилизации, *хоррорология* изучает как растущую возможность ее самодеструкции, самовычитания» [33, с. 766].

Менее экзотический и более научный, чем *хоррорология*, характер имеет так называемая *рискология*, или *общая теория рисков*. В справочной и учебной литературе данной дисциплине дается следующее определение: «*Рискология* – наука о риске, исследующая сущность риска, его причины, формы

проявления и роль в жизни людей» [34, с. 369]. В свою очередь, *общая теория рисков* рассматривает общие универсальные правила сравнения, которые не привязаны к конкретным экономическим ситуациям. Она апеллирует к естественным или кажущимся таковыми нормативным правилам, которые отражают аспекты «экономической интуиции». Формально *общая теория рисков* занимается предпочтениями или правилами сравнения случайных величин либо распределениями вероятностей (в том числе будущего дохода) [35].

Одним из наиболее разработанных направлений рискологии сегодня является «*риск-менеджмент*» – система оценки риска, управления риском и финансовыми отношениями, возникающими в процессе функционирования бизнес-структур или предпринимателей» [36, с. 448]. Отдельное научное направление, связанное с управлением рисками, угрозами, проблемными и кризисными ситуациями, представляет собой «*кризисный менеджмент*» (англ. *crisis management*): а) технология управления, предусматривающая создание плана реагирования применительно к специфике деятельности государственной или частной структуры; б) совокупность приемов и форм рыночной борьбы» [37, с. 315].

Весьма широко и всесторонне рассматривает феномен риска российская *социология риска*, развиваемая прежде всего О. Н. Яницким, который опубликовал целый ряд работ о российских пожарах, социальных движениях, экологических катастрофах, войнах за ресурсы в XXI в. и т. п.¹ Достаточно давно изучается феномен риска и в рамках такой научной дисциплины, как *психология риска* (например, в работах Б. Бернштейна, А. И. Мечитова, С. Б. Ребрика, Дж. Неймана, О. Моргенштерна).

В свою очередь, понятийное содержание такой науки о риске, как *эвентология*, сегодня описывается следующим образом: «В последние годы в связи с появлением нового направления теории вероятностей – *эвентологии* (от англ. event – событие: любое событие состоит из “события-восприятия” и “события-деятельности”) – возникло понятие эвентологического риска, которое можно рассматривать как первую серьезную попытку объединить в одном понятии и теоретический, и эффективный риски. Эвентология предоставляет возможность не только развить эффективные эвентологические модели различных аспектов человеческого восприятия риска, но и дать такое общее математическое определение “эвентологического риска”, которое, не вступая в противоречие с большинством существующих определений теоретического и эффек-

тивного рисков, поглощает их в качестве многочисленных частных вариантов» [38, с. 278].

С экономическими рисками сегодня активно работают не только отдельные направления рискологии (риск-менеджмент, кризисный менеджмент, эвентология и др.), но и новые типы экономических систем, одной из которых является так называемая *экономика быстрого реагирования*: «Современная экономика, которую характеризует конкуренция в плавающих границах отраслей, при меняющихся потребителях и конкурентах, росте непредсказуемости, получила название “экономика быстрого реагирования”» [39, с. 42]. По аналогии с «экономикой быстрого реагирования» российскими специалистами в области синергетики допускается возможность создания и «социологии быстрого реагирования»: «Материалы предварительных исследований показывают, что можно развить новый подход в области социэкономии – “социологию быстрого реагирования”. Именно она может оказаться важной для повышения устойчивости функционирования больших городов и страны в целом, а также для предупреждения социальных нестабильностей» [40, с. 160]. Наконец, американским футурологом А. Тоффлером был описан и такой тип экономической системы, как “экономика быстрой течности”: «Когда обычный уровень перемен в обществе повышается, то экономика стабильности должна быть замещена и замещается экономикой быстрой течности» [41, с. 44].

Зарубежными исследователями сегодня успешно развивается и такая специализированная дисциплина о границах науки, как *лимитология*. Г. О. Росслер (немецкий биохимик и теоретик хаоса) предложил неологизм для определения того, что делали он и его коллеги: лимитология. *Лимитология* – это постмодернистское предприятие, переросток продолжающегося в этом столетии усилия деконструировать реальность. Конечно, И. Кант тоже боролся с границами знаний, как и Дж. К. Максвелл, великий английский физик. Последний представлял, что микроскопический гомункул или демон может помочь нам разгромить второе начало термодинамики. Но настоящим уроком демона Дж. К. Максвелла, по словам Г. О. Росслера, является то, что мы находимся в термодинамической тюрьме, из которой нам никогда не убежать. «Когда мы собираем информацию из мира, мы делаем вклад в энтропию и, таким образом, в непознаваемость. Мы неумолимо идем к тепловой смерти. Вся тема границ науки – это тема демонов, – прошипел Росслер. – Мы сражаемся с демонами...» [18, с. 384–385].

¹ Среди них можно отметить следующие: Социология риска. М., 2003; Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35; Пожары в России: экосоциологический анализ // Социол. исслед. 2011. № 3. С. 3–12; «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы // Социол. исслед. 2012. № 1. С. 67–76; Социальные движения в современном обществе: вопросы теории // Социол. исслед. 2013. № 3. С. 50–59.

В России усилиями известного ученого С. Г. Кара-Мурзы создано новое научное направление – *кризисное обществоведение*, которое должно предупреждать общество о существующих опасностях и формировать связанные с ними запреты. Необходимость формирования такого научного направления С. Г. Кара-Мурза обосновывает следующим образом: «Как и у всякой науки, главная функция общественных наук заключается в том, чтобы формулировать запреты – предупреждать о том, чего делать нельзя. Обществоведение обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей, указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Этой функции наше обществоведение не выполнило. Надо сказать, что и западное обществоведение не раз давало сбои в XX веке. <...> Оно, например, не увидело и не поняло опасности фашизма – сложной болезни Запада, и особенно немецкого народа (хотя симптомов этой болезни было достаточно)» [16, с. 6].

Наконец, ярким показателем общей зрелости той совокупности научных дисциплин и направлений, которые связаны с изучением рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества, является формирование квазинаучных направлений (например, капутологии) и эзотерических религиозных учений (например, «Церкви Святого Страх»), которые близки к указанной совокупности научных дисциплин и направлений по своей антирискогенной направленности. В частности, причины появления *капутологии* основатель этого квазинаучного направления, известный украинский ученый Г. М. Добров объясняет так: «...в системе наук все более явно обнаруживается и недостающее звено – системология ошибок (*капутология*), которая взяла бы на себя бремя изучения патологии систем. <...> *Капутология* – прикладной системный анализ неудач; наука и искусство превращать поражения в победы» [2, с. 86, 121]. О мотивах создания «Церкви Святого Страх» ее основатель Дж. Хорган говорит: «Моей истинной целью написания “Конца науки” было установление новой религии – “Церкви Святого Страх”. Если я стану главой культа, то это будет приятной переменной темпа – не говоря уж о том, что более прибыльным, чем занятия журналистикой» [18, с. 453].

Описанный нами конгломерат (совокупность) новых научных и квазинаучных дисциплин и направлений, включающий даже отдельные эзотерические религиозные учения (общее число таких дисциплин, направлений и учений сегодня превышает полтора десятка!), тем не менее не охватывает своими исследованиями широкий спектр существующих в жизненном мире личности и общества многочисленных экономических, политиче-

ских, экологических, социальных, инновационных, научно-технических, образовательных и прочих рисков, угроз, ошибок, опасностей, вызовов, ущербов, кризисов, дисбалансов, провалов, потерь, препятствий, неопределенностей, неудач, социальных нестроений, структурных диспропорций, дисфункций и прочих негативных явлений. К примеру, составленный нами на основе зарубежной и отечественной научной литературы классификатор рисков объединяет в себе более 700 видов рисков, которые можно расклассифицировать по четырем десяткам групп рисков: *валютные, глобальные, имущественные, инвестиционные, инновационные, инфляционные, катастрофические, коммерческие, кредитные, кризисные, макроэкономические, научно-технические, несистематические, нестрахуемые, операционные, организационные, предпринимательские, политические, природные, производственные, процентные, рыночные, системные, социальные, страновые, стратегические, страховые, технологические, финансовые, экологические, экономические, юридические риски, риски ликвидности* и др.).

При этом степень изученности перечисленных групп рисков существенно отличается. В частности, наиболее изученными (т. е. представленными в десяти и более исследованиях различных авторов) являются такие частные виды рисков, как *валютные, имущественные, инвестиционные, инновационные, инфляционные, коммерческие, кредитные, критические, несистематические, операционные, политические, предпринимательские, производственные, процентные риски, рыночные, систематические, социальные, страновые, страховые, технические, технологические, финансовые, экологические, экономические риски*, а также *риски ликвидности*. В то же время такие наиболее общие виды рисков, как *глобальные, интегральные, катастрофические, кризисные, макроэкономические, нестрахуемые, новые, организационные, природные, системные, стратегические*, представлены, как правило, в работах одного или нескольких авторов.

Кроме того, несмотря на существование целого ряда наук о рисках (*рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, психология риска, эвентология* и др.), до сих пор отсутствует не только единое понимание риска, но и более или менее исчерпывающая классификация различных его видов, а также единый понятийный аппарат, позволяющий непротиворечивым образом описывать многообразие различных видов риска и их взаимосвязей с такими рискогенными понятиями, как *опасность, ненадежность, угроза, неопределенность, кризис, вызов, диспропорция, дисбаланс, диспаритет* и т. п. Из-за отсутствия такого единого понятийного аппарата, способствующего единообразному описанию различных видов риска, каждая отрасль знаний стремится сформировать свое отраслевое видение

природы риска, а также свой отраслевой перечень существующих видов риска. К примеру, только в результате изучения деятельности организаций телекоммуникационной отрасли выявлено и описано более 70 различных видов рисков [42, с. 97–107].

Как справедливо заметили по поводу таких отраслевых подходов к проблемам выявления, описания, систематизации и прогнозирования рисков авторы монографии «Стратегические риски России: оценка и прогноз», «проблема анализа, оценки и прогнозирования рисков, обусловленных отдельными неблагоприятными явлениями или событиями, достаточно успешно решается уже многие десятилетия, особенно в отношении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и обеспечения мер по их предупреждению. При этом были разработаны соответствующий понятийный аппарат, показатели отдельных видов рисков, методы их анализа, оценки и прогнозирования, определены общие методологические подходы и принципы управления рисками. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что эти исследования и разработки относились к отдельным частным рискам и задачам, а исследования в области стратегических рисков, связанных со всеми основными сферами жизнедеятельности общества – экономической, политической, социальной, научно-технической, природно-техногенной и экологической, – вообще не проводились» [43, с. 14].

Наконец, знакомство с теми методами и приемами управления рисками, которые предлагаются представителями ряда отраслей знаний в целях снижения негативного влияния тех или иных видов отраслевых рисков, показывает достаточно низкую эффективность отдельных из этих методов и приемов управления рисками. В частности, в курсе лекций «Мировая экономика» описывается ряд новых инструментов управления финансовыми рисками: «Среди новых инструментов, предназначенных для дробления рисков, наиболее быстро развиваются кредитные деривативы. Мировой объем их рынка оценивался в 150–200 млрд долл. в начале 1998 года и около 500 млрд долл. в 2000 году» [44, с. 257]. Однако мировой экономический кризис 2007–2008 гг. и последующие исследования в области корпоративных финансов показали губительный характер этих «новых инструментов» управления финансовыми рисками, убедительно продемонстрировав, что именно «рост операций с деривативами приводит к существенному росту финансовых рисков ТНК» [45, с. 101]. А в качестве наиболее реальных инструментов управления финансовыми рисками в условиях глобального кризиса были предложены совсем иные средства из различных областей финансового менеджмента.

Так, в области надзора и аудита специалисты дают следующие рекомендации:

- проводить аудит и обеспечивать таким образом соблюдение требований к капиталу и ликвидности;
- требовать от финансовых институтов, чтобы те выпускали условный конвертируемый долг, превращаемый в акции в случае проблем с собственным капиталом;
- устанавливать ограничения или запреты на определенные виды концентрированного банковского кредитования;
- сдерживать реконсолидацию аффилиатов, ранее проданных инвесторам, особенно структурированных инвестиционных организаций;
- требовать от финансовых посредников «завещания на случай смерти» с указанием, каким образом они при необходимости будут ликвидированы быстро и максимально безболезненно для контрагентов и рынков [46, с. 108].

По поводу средств финансового менеджмента из области хеджирования рисков представим такое мнение: «Крайне необходимо разработать и внедрить эффективную стратегию управления долгом как для государства, так и для бизнеса. Реализация этой стратегии создаст резерв для снижения налоговой нагрузки бизнеса, которому также необходимо выходить на внешние финансовые рынки. Например, только за счет простого хеджирования валютных и ценовых рисков Беларусь могла бы увеличить экспортную выручку в 2014–2015 гг. и первой половине 2016 г. на 8 млрд долл.! Но это требует создания новых структур управления в структуре белорусских компаний, а также обучения руководителей предприятий навыкам работы в изменившихся условиях» [47, с. 17].

Таким образом, приведенные примеры из области риск-менеджмента и финансового менеджмента убедительно подтверждают мысль А. Тоффлера о том, что «решение новых задач находится за пределами узких дисциплин» [41, с. 111]. Иными словами, решение предельных проблем различных отраслей знаний, связанных с изучением рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества, требует обязательного использования междисциплинарных подходов, которые сформировались в рамках таких комплексных научных дисциплин, как синергетика, системология, общий социальный анализ, науковедение и др.

3. О роли междисциплинарных направлений (синергетики, системологии, общего социального анализа, науковедения) в решении предельных проблем различных отраслей знаний

По мнению Т. А. Колесниковой, при изучении рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества и постановке связанных с этим изучением предельных проблем «одно из важнейших положений в современной науке займет междисциплинарная теория управления рисками, основанная на принципах синергетики» [48, с. 80].

Аналогичный прогноз делают и другие российские исследователи, которые занимаются анализом и оценкой всевозможных рисков, аварий, бедствий и катастроф. «Традиционно изучением бедствий, катастроф и кризисов различной природы, их причин и последствий занимается целый ряд научных дисциплин, каждая – со своими собственными подходами и видением проблемы. Такого рода “феодалная раздробленность” пагубно сказывается на общем состоянии дел. Очевидно, что выработка и принятие общих решений возможны только на основе единых научных представлений о риске, единых способов представления информации. Основой единого подхода к родственным задачам из разных областей знания может стать *синергетика*, зарекомендовавшая себя в качестве эффективного междисциплинарного подхода. В ее основе лежит представление о наличии *универсальных закономерностей поведения сложных систем*» [40, с. 143].

Опора на какие свойства сложных систем позволяет синергетике вырабатывать оптимальные общие решения для самых разных отраслей знаний? По мнению Г. Г. Малинецкого, к числу таких свойств сложных систем следует отнести их *упорядоченность, простоту, самоорганизацию, предсказуемость поведения и наличие бифуркаций*. «В соответствии с идеями одного из основоположников синергетики И. Р. Пригожина (Нобелевская премия по химии 1977 г.) *упорядоченность* возникает и поддерживается в открытых, нелинейных, далеких от равновесия системах благодаря потокам энергии, вещества или информации, проходящим через систему.

Другим основанием синергетики стали исследования, посвященные проблеме, которая касается когнитивных возможностей человека, – *почему сложные системы можно во многих случаях описывать просто*. Эта способность выделять в сложности мира простые сущности и, исходя из этого, быстро и гибко менять свои поведенческие стратегии и является важнейшим эволюционным преимуществом нашего вида. Она же лежит в основе научного метода.

Синергетика показала, что во многих сложных системах происходит спонтанное, произвольное возникновение упорядоченности. Говоря на языке физики, происходит эффективное уменьшение числа степеней свободы объекта (сокращение тех возможностей, которыми “пользуется” система). На математическом языке это означает *самоорганизацию* и выделение в ходе эволюции ключевых параметров и переменных, которые начинают определять динамику всех остальных характеристик. <...>

Одним из принципиальных результатов синергетики стало открытие явления динамического хаоса и развитие концепции *предсказуемости поведения* сложных систем. Было показано, что для

многих нелинейных систем (в том числе достаточно простых) имеет место *горизонт прогноза* – время, за которое рост сколько угодно малых отклонений в определении начального состояния системы приводит к тому, что через это время информация о состоянии объекта оказывается утрачена. <...>

Синергетика, или – шире – нелинейная наука, изменила наш взгляд на развитие, на будущее. Для нелинейных систем характерно *наличие бифуркаций* (от фр. *la bifurcation* – “раздвоение”, “ветвление”). При изменении какого-то параметра системы (например, времени) прежняя траектория становится неустойчивой и возникают другие. <...> При этом наиболее эффективным и важным является управление и самоорганизация именно в точке бифуркации. Здесь малые воздействия могут направить систему по тому или иному пути. Отсюда следует, что будущее неединственно и в точке бифуркации можно выбрать один из его вариантов. Развитие как последовательность бифуркаций в современной науке все чаще рассматривается в теории биологической эволюции, в экономике, в экологии, в математической истории» [49, с. 274–277].

Подобно синергетике свой междисциплинарный (системный) подход к описанию систем выработала и *системология (общая теория систем)*: «*Системный подход* выступает в современной науке и технике как частнометодологическая концепция, призванная сформулировать в систематическом виде совокупность методов исследования и конструирования систем разных типов и классов. <...> Исторически *системный подход* приходит на смену методологическим концепциям механицизма и элементаризма и в своей специфике и по своим задачам противостоит этим концепциям. Таким образом, отношение “механизм – система” является основополагающим для определения места и функций системного подхода в научном познании, причем это отношение фиксирует различие и взаимоотношение разных способов представления объектов (механистического и целостного) и разных методов их исследования (элементаристского, редукционистского, с одной стороны, и синтетического, антиредукционистского, целостного, с другой). В соответствии с этим основные задачи системного подхода состоят в разработке методов анализа и синтеза объектов, описания их целостных характеристик и конструируемых объектов как целенаправленных систем, синтеза “элементных” и “целостных” знаний о рассматриваемых объектах, анализа взаимоотношения данных систем с другими системами, составляющими их окружение, и т. д.» [50, с. 34].

В социогуманитарной сфере общества наиболее активно используют системный подход социологи, экономисты и политологи: «Социальная транскрипция системности связана с применением

в социологии, экономической науке и политологии. Все три науки оперируют понятиями соответственно социальная, экономическая и политическая системы, используют системность как метод познания и моделирования. Наиболее важные проблемы практической жизни общества:

- формирование рыночной экономики, обеспечивающей взаимодействие и реализацию интересов различных субъектов: собственников, производителей, потребителей, индивидов, коллективов, общества и государства;
- становление социальной системы общества, включающей организацию социальной жизни, социальную защиту населения, социализацию индивидов, их адаптацию и развитие;
- развитие политической системы общества, объединяющей правовое государство, многопартийную систему, демократию. При этом особенно важно широкое внедрение системного подхода в государственное управление» [51, с. 316].

К сожалению, как показывает российская практика изучения существующих многочисленных социальных, экономических, политических и прочих рисков, системный подход в государственном управлении используется далеко не в полной мере: «Сегодня у нас в стране отсутствует постоянно действующая система мониторинга и прогнозирования внешних и внутренних рисков. Существующие исследования в данной области отличаются ведомственностью, отражают, как правило, риски предприятий и выражают личное мнение авторов исследования, что делает их мало пригодными для использования в целях формирования экономической стратегии в интересах государства, иных заинтересованных лиц и организаций в целях управления рисками как в сфере государственной политики, так и в частном секторе, для выработки политики снижения неопределенности и противодействия угрозам в экономике России» [52, с. 29].

Во многом такая ситуация обусловлена тем, что современная «социальная жизнь напоминает пестрый ковер, в котором переплелись экономические, политические, правовые отношения, явления внутренней и внешней политики, сознание, эмоции и чувства людей, события образования и культуры и многое другое» [53, с. 30]. Поэтому изучение этого пестрого жизненного мира личности и общества с узкодисциплинарных позиций (сугубо экономических, политических, правовых и проч.) способствует созданию очередных научных «империализмов» (экономических, политических, правовых и проч.), но не позволяет синтезировать комплексное, системное знание об обществе. Показательно, что против таких научных «империализмов» сегодня выступают даже ведущие представители этих узкодисциплинарных парадигм. К примеру, известный российский экономист, академик РАН

В. М. Полтерович пишет: «На мой взгляд, разнородные явления, не вполне правомочно объединяемые термином “экономический империализм”, демонстрируют целесообразность интеграции ряда общественных дисциплин в единую науку об обществе – *общий социальный анализ*» [54, с. 105].

По охвату различных гуманитарных и социальных наук в своем составе к общему социальному анализу приближается такое комплексное междисциплинарное направление, как *науковедение*. Проведению науковедами комплексного, системного изучения различных видов рисков, угроз, опасностей, вызовов, пределов, ущербов, дисбалансов, потерь и неопределенностей путем постановки предельных проблем различных отраслей знаний максимально способствуют следующие обстоятельства:

- 1) «разработка проблем науковедения требует усвоения и творческого использования знаний, добытых множеством самых различных наук» [55, с. 22];
- 2) в составе современного науковедения успешно развиваются десятки различных дисциплин (общее науковедение, философия науки, методология науки, логика науки, этика науки, экономика науки, социология науки, организация науки, психология науки, право науки, наукометрия, история науки и др.) [56, с. 14].

Известный российский философ науки А. И. Ракитов об интегративной роли современного науковедения сказал следующее: «Я включаю в состав науковедения знания, относящиеся к философии науки, экономике науки, социологии науки, психологии научного творчества, наукометрии, технометрии, а также исследования истории и общей динамики науки, технологий, техники, высшего профессионального образования и т. п. В качестве эквивалента “науковедения” иногда используют термин “метанаука”. Это позволяет рассматривать некоторые общие, даже метафизические проблемы, относящиеся к науке в целом, то есть без дисциплинарного членения» [57, с. 11].

Отнюдь не случайным является и тот факт, что именно российский науковед С. Г. Кара-Мурза, говоря о социальных функциях науки в условиях глобального кризиса, нарисовал тот образ отечественной науки, которая сумеет обезопасить от всевозможных рисков социально-экономическое развитие России: «Только сильная и структурно полная отечественная наука может служить тем механизмом, который “втягивает” в страну нужное для нее знание из всей мировой цивилизации. Страны, не обладающие таким механизмом, получают отфильтрованное и искаженное знание, утрачивают реальную независимость и вовлекаются главными мировыми державами и их блоками в их орбиту в качестве “материала”» [58, с. 57]. В составе такой структурно полной науки, как правило, представле-

ны два вида науки: «есть *наука бытия* – такой тип видения мира и постановки научных проблем, при котором внимание сосредоточивается на стабильных процессах и отношениях, и есть *наука становления*, когда главным объектом исследования становятся именно нестабильность, переходы порядок – хаос, перестройки систем, кризис старого и зарождение нового.

Оба типа научного знания и научной деятельности необходимы и дополняют друг друга. Однако в различные периоды существования общества приоритеты меняются, в совокупности ведущихся научных работ доминирует тот или иной подход. Сейчас Россия переживает такой этап, когда должны быстро создаваться и поддерживаться исследовательские группы, лаборатории и даже центры, ведущие НИОКР в духе *науки становления*. Между тем инерция мышления и власти и самой системы науки такова, что существующие лаборатории переключиться на иной тип критериев (и даже иной методологический подход – освоить философию нестабильности) не могут. Побуждать и стимулировать их должна была бы сознательная научная политика государства, но такой политики нет» [58, с. 59–60]. К сходным выводам приходят и другие российские исследователи: «Избежать попадания в стратегические ловушки возможно при долгосрочном расчете сценариев мировой политики. Система национальной безопасности России должна, в соответствии с заданной задачей, быть реорганизована в направлении усиления аналитической составляющей. Победить противника сегодня можно, лишь его “передумав”. Необходимо в этой связи включение ресурса передовой науки» [59, с. 352].

Что приятно отметить, движение российской науки в указанном направлении уже началось: «Самоорганизующаяся междисциплинарная структура современной науки ориентирована на разрешение реальных и потенциальных кризисных ситуаций, что может быть обеспечено только при одновременном учете ее философских, теоретико-познавательных, социальных и антропологических аспектов применительно к конкретным практически значимым проблемам. В этих условиях речь должна идти не о раз и навсегда выявленных закономерностях, а скорее о выявлении некоторых тенденций и принципов рассмотрения, не предполагающих результата заверченного вида» [60, с. 16–17], т. е. о расширении пределов научного познания путем постановки и решения предельных проблем в различных отраслях знаний.

Налицо – первые результаты такого движения отечественной науки:

1. «Одним из главных векторов развития науки и техники в последние десятилетия является не-

уклонное приближение к человеку, его потребностям, устремлениям и чаяниям. В результате происходит все более плотное “обволакивание” человека наукой, его погружение в мир, проектируемый и обустроиваемый для него наукой и техникой. Конечно, дело при этом вовсе не ограничивается одним лишь “обслуживанием” человека. Наука и техника приближаются к человеку не только извне, но и в известном смысле изнутри, создавая не только для него, но и самого его» [61, с. 453].

2. «Беспощадно и зло отсекая потуги на всезнание, всевидение и всемогущество, наука вводит разум в жесткие рамки возможного, вероятного и достижимого. Это происходит в большом и малом. <...> Мир становится все более нетерпимым к восторгам и экстазам воинствующего невежества, и в этом, в растущей строгости мира “повинна” прежде всего наука. Проводя исследования, формулируя законы существования и направленного изменения окружающей нас действительности, наука задает человеческим действиям исходную определенность. И всякий нарушитель ее законов оказывается в незавидном положении человека, который пытается говорить без грамматики и считать без таблицы умножения» [62, с. 192].

3. «Люди науки строят свой особый мир, который для них не менее реален, чем тот мир, который их окружает. Именно из-за этого их считают странными, чудаковатыми и т. п., т. е. не похожими на других, хотя вопрос о том, какой мир более “реален” – мир квантов или генов, в котором живут они, или тот мир, в котором обитают, скажем, политики или бизнесмены, наверное, не имеет однозначного ответа. В конце концов, наш сегодняшний мир таков, каков он есть, – мы ездим на автомобилях, летаем на самолетах, пользуемся компьютерами – именно потому, что ученые живут в своем особом мире» [63, с. 328].

4. Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют прийти к следующим умозаключениям:

1) жизненный мир личности и общества постоянно усложняется, продуцируя все новые и новые виды рисков, вызовов и угроз;

2) адекватно ответить на эти риски, вызовы и угрозы может только структурно полная национальная наука путем своевременной постановки и решения предельных проблем в различных отраслях знаний;

3) методологическим базисом для рассмотрения предельных проблем различных отраслей знаний сегодня выступают такие междисциплинарные направления, как синергетика, системология, общий социальный анализ и науковедение.

Библиографические ссылки

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века : пер. с англ. М., 2004.
2. Добров Г. М. Каптутология, или Прикладной системный анализ неудач // Добров Геннадій Михайлович (1929–1989) : збірник. 2-е вид. Київ, 2004. С. 81–127.
3. Гринберг Р. С. Кризис и пути его преодоления // Аналитические доклады победителей конкурса «Россия в условиях мирового кризиса». М., 2009. С. 70–94.
4. Bush V. Science and endless frontier. Washington, 1945.
5. Печенкин А. А. Введение // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. 2-е изд. М., 1996. С. 5–17.
6. Данченко В. На подступах к Локайята Йогe (эволюция сознания в документах: часть вторая) [Электронный ресурс]. URL: www.psylib.org.ua/books/danch01/107/index.htm (дата обращения: 06.02.2017).
7. Смирнова Р. А. Феноменологическая социология // Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003. С. 340.
8. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию : пер. с нем. СПб., 2000.
9. Титаренко Л. Г. Жизненный мир // Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003. С. 96.
10. Шавель С. А. Пути к тайнам бытия: становление научного направления (размышления над монографией Ж. Т. Тощенко «Социология жизни») // Социология. 2016. № 4. С. 123–130.
11. Данилов А. Н. Социология жизни // Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003. С. 307–308.
12. Докучаев И. И. Трансгрессия и редукция: пути интеграции социально-гуманитарных наук и культурология // Вопр. культурологии. 2001. № 7. С. 4–9.
13. Резник Ю. М. Пути системной реорганизации и интеграции социального знания (очерки о судьбе отечественного обществознания). Очерк 3. Направления системной интеграции социальных наук // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Вып. 3. С. 53–85.
14. Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности : пер. с англ. М. ; СПб., 2016.
15. Хренов Н. А. Культурология как «русская наука»: локализация или универсализация культурологического пространства? // Вопр. культурологии. 2012. № 5. С. 4–9.
16. Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение. Ч. 1 : Курс лекций. М., 2011.
17. Азимов А. Академия. Первая трилогия. Фантастические романы : пер. с англ. М., 2006.
18. Хорган Дж. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки : пер. с англ. СПб., 2001.
19. Юнг К. Г. Современность и будущее. Минск, 1992.
20. Демчук М. И., Юркевич А. Т. Республика Беларусь: системные принципы устойчивого развития. Минск, 2003.
21. Колесников А., Сиренко С. Институциональные основы конструктивного взаимодействия науки, общества и государства в противодействии кризисным явлениям // Отношение общества и государства к науке в условиях современных экономических кризисов: тенденции, модели, поиск путей улучшения взаимодействия : материалы междунар. симп. (Киев, 2–5 июня 2013 г.). Киев, 2013. С. 335–339.
22. Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание : пер. с англ. М., 2001.
23. Юдин Б. Г. В фокусе исследования – человек: этические регулятивы научного познания // Этнос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М., 2008. С. 361–383.
24. Млодинов Л. Прямоходящие мыслители. Путь человека от обитания на деревьях до постижения мироустройства : пер. с англ. М., 2016.
25. Мясников А. Г. Дугинцы! Стой! Ать-два! // Вестн. Росс. филос. общества. 2015. № 4. С. 122–125.
26. Дегтярев А. П. Пределы человеческого познания, или Почему течет время. Логика мира [Электронный ресурс]. URL: www.d21.chat.ru/predely.htm (дата обращения: 9.02.2017).
27. Кроче Б. Теория и история историографии : пер. с итальян. М., 1998.
28. Новиков Н. В. Предел социальный // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 402.
29. Балог А. Социология – мультипарадигмальная наука? // Социол. исслед. 2002. № 7. С. 22–31.
30. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука : пер. с англ. М., 2015.
31. Богусевич Д. Г. Лингвистика перед новыми горизонтами // Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Мозырь, 7 окт. 2011 г.). Мозырь, 2011. С. 12–13.
32. Старостин Г. Серьезное предисловие // К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е. Я. Сатановским. М., 2016. С. 12–14.
33. Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004. 864 с.
34. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999.
35. Смагулова Р. И. Управление рисками. Павлодар, 2006.
36. Касьянов А. А. Словарь-справочник руководителя. Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни. Ростов-на-Дону, 2007.
37. Шарков Ф. И. Коммуникология : энцикл. слов.-справ. М., 2009.
38. Исмаилов А. А. Социология риска: принятие решений в условиях риска // Вестн. МГИМО. 2010. № 4. С. 277–285.
39. Маркова В. Д., Кузнецова С. А. Стратегический менеджмент: понятия, концепции, инструменты принятия решений : справ. пособие. Новосибирск, 2010.

40. Малинецкий Г. Г., Подлазов А. В., Кузнецов И. В. О национальной системе научного мониторинга // Будущее и настоящее России в зеркале синергетики / под ред. Г. Г. Малинецкого. 2-е изд. М., 2011. С. 133–165.
41. Тоффлер А. Футурошок : пер. с англ. СПб., 1997.
42. Куринов С. М. Риск-ориентированная стратегия инновационного развития организаций телекоммуникационной отрасли : дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.05. М., 2016.
43. Стратегические риски России: оценка и прогноз / под общ. ред. Ю. Л. Воробьева. М., 2005.
44. Мировая экономика : курс лекций / под ред. В. К. Матюшевской. 2-е изд. Минск, 2005.
45. Шелестова Д. А. Риски валютно-финансовых операций транснациональных компаний в условиях глобализации экономики // Философия соц. коммуникаций. 2016. № 1/2. С. 101–106.
46. Гринспен А. Карта и территория. Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования : пер. с англ. М., 2015.
47. Желтонога Л. Всплытие откладывается // Директор. 2016. № 12. С. 16–17.
48. Колесникова Т. А. Антикризисное управление обществом риска. Синергетическая концепция. М., 2009.
49. Малинецкий Г. Г. Проектирование будущего и модернизация России // Будущее и настоящее России в зеркале синергетики / под ред. Г. Г. Малинецкого. 2-е изд. М., 2011. С. 271–300.
50. Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. Методологические проблемы. М., 1980. С. 29–54.
51. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ. Киев, 2003.
52. Сенчагов В., Побываев С., Соловьев А. Оценка влияния глобальных рисков как инструмент формирования экономической стратегии России: индикативный подход // Эконом. стратегии. 2016. № 8. С. 24–31.
53. Исаков В. Б. Гулливер и лилипуты // Европейское измерение – 2015 : сб. науч. тр. / под общ. ред. С. Н. Бабурина, З. А. Станкевича. М., 2015. С. 28–58.
54. Полтерович В. М. Становление общего социального анализа // Обществ. науки и современность. 2011. № 2. С. 101–111.
55. Основы науковедения / под ред. С. Микулинского. М., 1985.
56. Щербин В. К. Главная форма научного самопознания // Наука и инновации. 2014. № 1. С. 12–15.
57. Ракитов А. И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // Научно-исследовательские исследования : сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Ракитов. М., 2003. С. 6–30.
58. Кара-Мурза С. Г. Социальные функции науки в условиях кризиса // Соц.-гуманит. знания. 2003. № 4. С. 45–63.
59. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009.
60. Киященко Л. П., Мирская Е. З. Введение. Этнос науки в эпоху перемен: философия, социология, этика // Этнос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М., 2008. С. 7–17.
61. Юдин Б. Г. Этическая составляющая в научном исследовании человека // Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В. С. Арутюнова, Г. В. Лисичкина, Г. Г. Малинецкого. М., 2009. С. 452–465.
62. Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992.
63. Юревич А. В. Социальная психология науки. СПб., 2001.

References

1. Vallerstain I. [The end of the world as we know it: social science for the twenty-first century]. Moscow, 2004 (in Russ.).
2. Dobrov G. M. [Kaputology, or applied systemic analysis of failures]. *Dobrov Gennadij Mykhajlovych* (1929–1989): collection. 2nd ed. Kiev, 2004. P. 81–127 (in Russ.).
3. Grinberg R. S. [Crisis and ways of its overcoming]. *Analiticheskie doklady pobeditelei konkursa «Rossiya v usloviyakh mirovogo krizisa»*. Moscow, 2009. P. 70–94 (in Russ.).
4. Bush V. Science and endless frontier. Washington, 1945.
5. Pechenkin A. A. [Introduction]. *Sovremennaya filosofiya nauki: znanie, ratsional'nost', tsennosti v trudakh myslitelei Zapada*. 2nd ed. Moscow, 1996. P. 5–17 (in Russ.).
6. Danchenko V. [On the approaches to the Lokajata Yoga (evolution of consciousness in the documents: part II)]. URL: www.psylib.org.ua/books/danch01/107/index.htm (date of access: 06.02.2017) (in Russ.).
7. Smirnova R. A. [Phenomenologic sociology]. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya*. Minsk, 2003. P. 340 (in Russ.).
8. Abel's Kh. [Interaction, identity, presentation. introduction to the interpretative sociology]. Saint Petersburg, 2000 (in Russ.).
9. Titarenko L. G. [Lifeworld]. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya*. Minsk, 2003. P. 96 (in Russ.).
10. Shavel S. A. Ways to mysteries of being: formation of scientific direction (meditations over the monograph of Zh. T. Toshchenko «Sociology of Life». *Sociologiya*. 2016. No. 4. P. 123–130 (in Russ.).
11. Danilov A. N. [Sociology of Life]. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya*. Minsk, 2003. P. 307–308 (in Russ.).
12. Dokuchaev I. I. [Transgression and reduction: ways of integration of social sciences, humanities and culturology]. *Vopr. kul'turologii*. 2001. No. 7. P. 4–9 (in Russ.).
13. Reznik Yu. M. [Ways of system reorganization and integration of social knowledge (essays on the fate of Russian social science). Essay 3. Branches of systemic integration of social sciences]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2000. Vol. II, issue 3. P. 53–85 (in Russ.).
14. Begel'sdeik Sh., Maseland R. [Culture in economics: history, methodological reflections and contemporary applications]. Moscow ; Saint Petersburg, 2016 (in Russ.).
15. Hrenov N. A. Culturology as the «Russian science»: localization or universalization of the culturological space? *Vopr. kul'turologii*. 2012. No. 5. P. 4–9 (in Russ.).

16. Kara-Murza S. G. [Crisis social science]. Moscow, 2011 (in Russ.).
17. Azimov A. [Foundation. First trilogy. Science fiction novels]. Moscow, 2006 (in Russ.).
18. Horgan J. [The end of science. Facing the limits of knowledge in the twilight of the Scientific Age]. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).
19. Yung K. G. [Modernity and future]. Minsk, 1992 (in Russ.).
20. Demchuk M. I., Yurkevich A. T. [Republic of Belarus: system principles of sustainable development]. Minsk, 2003 (in Russ.).
21. Kolesnikov A., Sirenko S. [Institutional basics of constructive interaction of science, society and state in opposing the crisis phenomenon]. *Otnoshenie obshchestva i gosudarstva k nauke v usloviyakh sovremennykh ekonomicheskikh krizisov: tendentsii, modeli, poisk putei uluchsheniya vzaimodeistviya* : materialy mezhdunar. simpoziuma (Kiev, 2–5 June, 2013). Kiev, 2013. P. 335–339 (in Russ.).
22. Leisi Kh. [Svobodna li nauka ot tsennostei? Is science value free? Values and scientific understanding]. Moscow, 2001 (in Russ.).
23. Yudin B. G. [In the focus of research – a man: ethical regulations of scientific cognition]. *Etnos nauki*. Moscow, 2008. P. 361–383 (in Russ.).
24. Mlodinov L. [The upright thinkers. The human journey from living in trees to understanding the cosmos]. Moscow, 2016 (in Russ.).
25. Myasnikov A. G. Duginers! Halt! One-Two! *Vestn. Ross. filos. obshchestva*. 2015. No. 4. P. 122–125 (in Russ.).
26. Degtyarev A. P. [Limits of man's cognition, or Why the time flows. The logic of the world]. URL: www.d21.chat.ru/predely.htm (date of access: 9.02.2017) (in Russ.).
27. Kroche B. Theory and history of historiography. Moscow, 1998 (in Russ.).
28. Novikov N. V. [Social limit]. *Rossiiskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya*. Moscow, 1998 (in Russ.).
29. Balog A. [Is sociology a multiparadigmatic science?]. *Sotsiologicheskie issled.* 2002. No. 7. P. 22–31 (in Russ.).
30. Lo Dzh. After method: mess in social science research. Moscow, 2015 (in Russ.).
31. Bogushevich D. G. [Linguistics before new horizons]. *Sovremennye inostrannye yazyki: problemy funktsionirovaniya i prepodavaniya* : materialy II Mezhdunarodnoi nauchn.-pract. conf. (Mozyr, 7 Okt., 2011). Mozyr, 2011. P. 12–13 (in Russ.).
32. Starostin G. [Serious preface]. *K istokam yazykovogo raznoobraziya. Desyat' besed o sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii s E. Ya. Satanovskim*. Moscow, 2016. P. 12–14 (in Russ.).
33. Epshtein M. [Space character: on the future of humanities]. Moscow, 2004 (in Russ.).
34. Yatsenko N. E. [Explanatory dictionary of social sciences terms]. Saint Petersburg, 1999 (in Russ.).
35. Smagulova R. I. [Risk management]. Pavlodar, 2006 (in Russ.).
36. Kas'yanov A. A. [Dictionary-reference book of the manager: the basic management concepts in the state, social-economic and political life]. Rostov-on-Don, 2007 (in Russ.).
37. Sharkov F. I. [Communicology]. Moscow, 2009 (in Russ.).
38. Ismailov A. A. [Sociology of risk: making decisions in the conditions of risk]. *Vestn. MGIMO*. 2010. No. 4. P. 277–285 (in Russ.).
39. Markova V. D., Kuznetsova S. A. [Strategic management: notions, concepts, instruments of making decisions]. Novosibirsk, 2010 (in Russ.).
40. Malinetskii G. G., Podlazarov A. V., Kuznetsov I. V. [On the national system of scientific monitoring]. *Budushchee i nastoyashchee Rossii v zerkale sinergetiki*. 2nd ed. Moscow, 2011. P. 133–165 (in Russ.).
41. Toffler A. [Future shock]. Saint Petersburg, 1997 (in Russ.).
42. Kurinov S. M. [Risk-oriented strategy of innovative development of organizations of telecommunicational branch] : dissertatsiya kandidata ekon. nauk : 08.00.05. Moscow, 2016 (in Russ.).
43. Vorobiev Yu. L. (ed.) [Strategic risks of Russia: estimation and prognosis]. Moscow, 2005 (in Russ.).
44. Matyushevskaya V. K. (ed.) [World economics]. Minsk, 2005 (in Russ.).
45. Shelestova D. A. [Risks of monetary operations of multinational companies in globalized economy]. *Filos. sotsial'nykh kommunikatsii*. 2016. No. 1–2. P. 101–106 (in Russ.).
46. Grinspen A. [The map and the territory. Risk, human nature and the future of forecasting]. Moscow, 2015 (in Russ.).
47. Zheltonoga L. [Coming to the surface is putting off]. *Director*. 2016. No. 12. P. 16–17 (in Russ.).
48. Kolesnikova T. A. [The anti-crisis management of risk society: synergetic concept]. Moscow, 2009 (in Russ.).
49. Malinetskii G. G. [Planning of the future and the modernization of Russia]. *Budushchee i nastoyashchee Rossii v zerkale sinergetiki*. Moscow, 2011. P. 271–300 (in Russ.).
50. Sadovskii V. N. [A system approach and general theory of systems: status, main problems and perspectives of development]. *Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy*. Moscow, 1980. P. 29–54 (in Russ.).
51. Surmin Yu. P. [Theory of systems and systemic analysis]. Kiev, 2003 (in Russ.).
52. Senchagov V., Pobyvaev S., Solov'ev A. [Estimation of global risk's influence as an instrument of russian economical strategy formation: indicative approach]. *Econ. Strateg.* 2016. No. 8. P. 24–31 (in Russ.).
53. Isakov V. B. [Gulliver and lilliputians]. *Evropeiskoe izmerenie 2015* : collection of scientific works. Moscow, 2015. P. 28–58 (in Russ.).
54. Polterovich V. M. [Formation of the general social analysis]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2011. No. 2. P. 101–111 (in Russ.).
55. Mikulinskii S. (ed.) *Osnovy naukovedeniya*. Moscow, 1985 (in Russ.).
56. Shcherbin V. K. [The main form of the scientific self-knowledge]. *Nauka i innovatsii*. 2014. No. 1. P. 12–15 (in Russ.).
57. Rakitov A. I. [The new science of science – to a new science (from paradigm to sintagm)]. *Naukovedcheskie issledovaniya* : sci. proc. Moscow, 2003. P. 6–30 (in Russ.).

58. Kara-Murza S. G. [The Social Functions of Science in the Conditions of Crisis]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2003. No. 4. P. 45–63 (in Russ.).
59. Yakunin V. I., Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. [The new technologies of struggle against the russian state system]. monograph. Moscow, 2009 (in Russ.).
60. Kiyashchenko L. P., Mirskaya E. Z. [Introduction. Ethos of science in the age of changes: philosophy, sociology, ethics]. *Etos nauki*. Moscow, 2008. P. 7–17 (in Russ.).
61. Yudin B. G. [The ethical component in the scientific research of man]. *Nauka Rossii. Ot nastoyashchego k budushchemu*. Moscow, 2009. P. 452–465 (in Russ.).
62. Petrov M. K. [Self-consciousness and scientific creation]. Rostov-on-Don, 1992 (in Russ.).
63. Yurevich A. V. [Social psychology of science]. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 10.03.2017.
Received by editorial board 10.03.2017.